

ДИСКУССИИ, РАЗМЫШЛЕНИЯ

УДК 37 (2)
ББК 74.200

ПАРАДИГМЫ И ПАРАДОКСЫ ГУМАНИЗАЦИИ И ГУМАНИТАРИЗАЦИИ ОТЕЧЕСТВЕННОГО ОБРАЗОВАНИЯ

В. Л. Бенин

Историческая трансформация идей гуманизма в педагогическом прочтении

Нашу систему образования образно можно уподобить водоему. Широко и спокойно расстилаются его воды, олицетворяя собой кажущиеся покой и стабильность. Но стоит нарушить эту зеркальную гладь, бросив «камень» новомодной образовательной идеи, как побегут по нему, все расширяясь, круги и охватит его реформаторская рябь, а там уже недалеко и до волнения, постепенно перерастающего в шторм. Очередным «камнем» подобного рода стала идея гуманизации и гуманитаризации образования. Ее радостно восприняли сотни историков и филологов, искусствоведов и философов, усмотревшие в новой тенденции долгожданный реванш за недавнее прошлое, при котором язвительно провозглашалось: «Что-то физики в почете, что-то лирики в загоне. Дело не в простом расчете – дело в мировом законе». Теперь «в загоне» оказываются «физики», искренне не понимающие, что же происходит и чем они провинились.

Говоря «высоким штилем» Гаврилы Романовича Державина, из сего предисловия проницательный читатель, конечно же, догадался, что материал ему предлагается полемический. Это действительно так, во-первых, потому, что статья написана для рубрики «Дискуссии, размышления». А во-вторых (и в главных), ситуация и впрямь необычная. С одной стороны, утверждается, что

актуальность проблемы гуманизации и гуманитаризации образования обусловлена вхождением России в мировое образовательное пространство [14, с. 50]; эти понятия уже не первый год фигурируют в основных документах развития отечественной системы образования как ведущие направления [16, с. 3]. С другой стороны, в вопросе о том, «куда эти направления ведут», нет никакой определенности, хотя недостатка толкований также не наблюдается. Во-первых, высказывается сомнение, что вопросы гуманизации образования можно решить в рамках самой системы образования [8, с. 10], поскольку гуманизация педагогической социокультурной среды определяется всей системой общественных отношений [13, с. 122–123]. Во-вторых, не всегда делается различие между понятиями гуманизации и гуманитаризации, а потому решение задачи гуманизации образования видится во введении дополнительных курсов гуманитарных дисциплин [7, с. 63]. В-третьих, гуманизация понимается как «включение гуманистических идей в ткань естественно-научных дисциплин» [2, с. 17]. При этом если в начале 90-х годов признавалась приоритетность гуманитаризации преподавания естествознания, то в конце того же десятилетия зазвучали голоса в поддержку сайентификации преподавания гуманитарных дисциплин и необходимости включения экологических, валеологических и подобных им отношений в список отношений, рассматриваемых при толковании гуманизма [4, с. 10].

Наконец, нельзя не отметить и еще один нюанс. Пока педагоги-исследователи в своих теоретических изысканиях пытались всячески расширить перечень дисциплин, необходимых для гуманизации и гуманитаризации образования, включая сюда философию и логику, этику и социологию, правоведение и политологию, экономику и аксиологию, антропологию и валеологию [3, с. 206]; настаивая на необходимости риторизации образовательной деятельности [15], гуманизации физического воспитания [10] и т. п., Министерство образования РФ ввело новые Государственные образовательные стандарты, оставив не только от перечисленных благих пожеланий, но и от того, что предполагалось прежними стандартами, что называется, «рожки да ножки».

Так что же представляют собой гуманизация и гуманитаризация образования? Дань моде или, действительно, нечто новое в образовании? Благое дело, или бес попутал? Вопросы из разряда тех, на которые и при чисто познавательном интересе ответишь не вдруг, тем более, если велено исполнять. Конечно, исполняем. Но какой пиит воспоеет потом нами содеянное? Трубоголо-

сый, вроде Маяковского («Если гуманизацию начинают, значит это кому-нибудь нужно!»), или ладаноточивый, как Вертинский («Вы скажите, кому и зачем это нужно?»)? А потому автор просит проницательного читателя простить ему прегрешения против академической стилистики и решительно уходит на ниву научной публицистики, оставаясь, впрочем, при желании разобраться с поставленным вопросом, тем более что и повод представился – уже упомянутая статья С. З. Гончарова [3], во многом типичная для современных подходов к заявленной проблематике.

Целью гуманитарной подготовки С. З. Гончаров называет воспитание культурного человека, который умеет избирать объективно-лучшие, совершенные содержания, объединяться на их основе с другими людьми и утверждать их в собственной жизнедеятельности, а его «качество образующей основой» – духовно-ценностную сферу самосознания, целостную субъективность в единстве главных общекультурных способностей и умения осуществлять социальные технологии и «духовное делание» [3, с. 197–198]. Я, правда, плохо понимаю, как можно «избирать объективно-лучшие, совершенные содержания», допустим, на «Лебедином озере» в Большом театре, да не о том речь. Нельзя не увидеть, что цитируемый автор в своей специфической редакции повторяет классические постулаты гуманистических идей эпохи Возрождения. Но, коль речь у нас идет о гуманитаризации образования, именно в толковании этих исходных идей есть ряд моментов, которые хотелось бы прояснить.

Гуманистические идеи: что изменилось за шесть веков?

Терминологически гуманизм связан с понятием «гуманитарные студии» (*studia humanitatis*), как с XIV века назывался комплекс учебных дисциплин, состоящий из грамматики, риторики, поэзии, истории и этики. Под «человеческим» (*humanitas*) гуманисты эпохи Ренессанса понимали те личностные качества, которые, для их формирования, требуют специальной тренировки: изысканность вкуса, красота языковых форм и речи, утонченное отношение к жизни, способность вызывать ответную симпатию. В. Ф. Шаповалов обращает внимание на явную эстетическую направленность в понимании человеческого у основоположников идеи гуманизма. Он совершенно правомерно подчеркивает, что возрожденческий гуманизм есть в первую очередь эстетический феномен и это надо иметь в виду уже по той причине, что гуманизм в позднейшей традиции чаще ассоциируется не с эстетической, а с нравствен-

но-этической направленностью [19, с. 177]. Но гуманизм западноевропейского Возрождения не имеет с таким пониманием почти ничего общего.

Давая характеристику той эпохе, Гегель подчеркивал, что именно тогда «стали полагать, что для мыслящего разума может быть истиной нечто такое, что не является истинным для теологии» [1, с. 109]. До тех пор, пока, в соответствии с классической средневековой схоластикой, человек рассматривался как высшее Божественное творение, любая идея изменить и улучшить его была греховна, ибо посягала на усовершенствование того, что сотворил Господь. Но как только появляется идея о том, что человек не есть венец Божественного творения, проявляется и соблазн его «подправить». Поэтому главная идея гуманизма – идея усовершенствования человека – так или иначе не может не нести в себе определенной атеистической составляющей. Подчеркну это, ибо к проблеме веры в контексте гуманитаризации мы еще вернемся.

Леон Баттиста Альберти [6, с. 237] формулирует одну из главных идей гуманизма – изменить себя и достичь наисовершеннейшей добродетели (в терминологии С. З. Гончарова это называется духовным деланием, умением избирать объективно-лучшее, совершенное содержание и утверждать его в собственной жизнедеятельности). Идея, что и говорить, красивая. Но реальная ли? Рассмотрим это на примере одной из центральных составляющих духовности – морали.

Каждый человек ориентирован на собственные идеалы, которые могут как соответствовать, так и не соответствовать провозглашенным моральным установкам. Нравственные устремления отдельной личности бывают как выше, так и ниже предела общественных установок. И в том, и в другом случае мораль служит не только регулятором межличностных отношений, но и регулятором нравственных устремлений отдельного человека. С этой точки зрения, мораль выступает в роли некоего среднеарифметического распространенных в обществе нравственных представлений. При всей кажущейся нечеткости, «среднеарифметическая» мораль достаточно однозначна и не прощает человеку попытки значительно отклониться как в одну (ниже), так и в другую (выше) сторону. Включаются механизмы ее самозащиты – общественная изоляция и гражданское непризнание. Как общественное мнение карает не выполняющих господствующие моральные нормы, хорошо известно. Однако и к «перевыполняющим» моральные нормы общество не менее беспощадно. В рассказе М. Е. Салтыкова-Щедрина «Дурак» повествуется о человеке, чьи требования

к себе самому были значительно выше норм, принятых в его окружении. И в глазах родных и знакомых этот человек считался за дурака, ведь «если не правы все, то они тогда дураки, а так не бывает» [12, с. 542]. Выставляя неполноценным человека, идущего впереди господствующих социокультурных норм, общество оправдывает и консервирует свои моральные устои. Непонятому остается лишь сделаться отшельником среди людей, принять на себя всю тяжесть общественного неприятия. Это требует недюжинных душевных сил, почему и не может быть много Толстых или много Сахаровых. Невозможно и даже безнравственно добиваться от людей, чтобы они жили согласно моральным максимам. Попытка сделать каждого человека таким максималистом ничем кроме морализаторства не завершится.

Теперь обратимся к другой великой гуманистической идее – идее формирования творческой личности. Разумеется, С. З. Гончаров не мог пройти мимо нее и в полном соответствии с гуманистической традицией целью гуманитарной подготовки провозгласил доведение выпускника вуза «до готовности к самостоятельной жизни в качестве субъекта, способного к самоопределению и творчеству в профессиональной и непрофессиональной сферах жизнедеятельности» [3, с. 195]. Однако, возможно ли в принципе формирование *всех и каждого* как неповторимой творческой личности?

Любое общество всегда старается ограничить творческие проявления отдельных людей. Социальное существование людей повседневно подтверждает, что жизнедеятельность индивида выступает возмущающим моментом по отношению к общественному укладу. Это касается не только различных антиобщественных проявлений. Не менее конфликтным оказывается любое творческое деяние личности, потому что оно вносит перебои в налаженный ритм общественных технологий, будь то производственные процессы, устоявшиеся общественные взаимодействия или даже принятые формы общения [17, с. 113–114]. И это вполне объяснимо, ведь налаженная организация деятельности между сотрудничающими людьми выступает едва ли не самой эффективной производительной силой. При этом чем выше организация, тем сильнее ее консервативное воздействие на индивида. Поэтому определенное ограничение творческой свободы личности имеет объективный характер и в той или иной мере присуще любой системе как средство обеспечения собственной безопасности. Потому и попытка сделать творцом *каждого человека* для

общества была бы если не самоубийственна, то уж, по меньшей мере, разрушительна.

Старые песни о главном

Выше я уже заангажировал тему веры в контексте проблемы гуманизации и гуманитаризации образования. Она крайне важна потому, что, ведя речь о духовно-ценностном уровне гуманитарной подготовки, С. З. Гончаров (как и многие другие сегодня) ставит веру во главу угла: «Если любовь к совершенству есть абсолютная и общая основа духа, то *чувство родного есть исторически конкретное основание духовности*. Это чувство преемственно соединило дохристианскую народную религию с Православием... Православие вознесло чувство родного до абсолютной вершины – совершенства Отца Небесного. Отечественная культура своими корнями уходит в глубинное подсознательное чувство родного. Это чувство – *корневое*. Из него вырастают *жизненно приемлемая установка, а не жизнеотвержение, традиции и национальная идентичность, преемственность поколений, семья и Родина, творческий потенциал личности*. Это чувство объективируется в *благое* содержание жизни – как *любимый человек, семья, отеческое наследие, соборное “мы”, родная культура, Родина, Отец Небесный, творческая жизнь*» [3, с. 201].

Первое, что бросается в глаза в приведенной цитате, это ее предельная конфессиональная зауженность, демонстративная закрытость в рамках православия. А как быть с мусульманами и лютеранами, буддистами и иудаистами, которых в России не один миллион? И что это за гуманитаризация, если при ней игнорируются элементарные религиозоведческие знания? Конечно, вопросы это риторические, и я прекрасно знаю, что мне ответит цитируемый автор. Он скажет, что религий много, а Бог один, что никогда не забывал многоконфессиональность России, что к буддизму и исламу относится с не меньшим почтением, чем к любому из направлений христианства и так далее в том же духе. Но, извините, эти оговорки просто (ли?) делать в Екатеринбурге и значительно сложнее в Казани, Уфе или Элисте. Это один аспект рассмотрения веры в контексте гуманизации и гуманитаризации образования. Есть и второй.

До недавнего времени понятие «вера», кроме как в религиозном контексте, не рассматривалось. Сейчас, похоже, происходит то же самое, хотя и по иной причине (профессиональные атеисты истово замаливают грехи, в новой аранжировке исполняя «старые песни о главном»). Потому и степень разрабо-

танности данной темы в отечественной педагогической и культурологической литературе мала и контекстуально связана с религиозной тематикой. Между тем, понятие *веры* и *религиозной веры* не синонимичны. Второе понятие есть лишь частный случай первого, родового по отношению к нему. Вера есть способ существования человеческого духа. Как показывает исторический опыт, для человека, в конечном счете, не имеет большого значения, *во что* верить. Но вера ему необходима. Человек поклоняется тьме и светилам, могучим богам и не очень могучим духам, реальным или мнимым животным, каменным алтарям и деревянной доске... Человек не может жить без веры. Вера необходима ему для мобилизации жизненных сил в проблематичных ситуациях: при недостатке информации, отсутствии достаточно мощных доказательств, при наличии различного рода сомнений. Но это вовсе не означает, что все люди религиозны.

Для того, чтобы ребенку познакомиться с общественным наследием, большей частью выраженным в словах, необходимо доверять людям, передающим эти знания. Из-за отсутствия собственных представлений ребенку приходится воспринимать всю систему представлений и знаний об окружающем мире взрослых на веру [18, с. 105]. Уже в силу этого обстоятельства в педагогической практике, особенно на ранних стадиях, крайне важна вера учащихся в своего учителя. Можно утверждать, что вера, во всяком случае на личностном уровне, является частью процесса познания. И не только в детском возрасте. Прежде чем сделать научное открытие, ученый выдвигает гипотезу, в успех которой он верит, ибо данные, ее подтверждающие, на начальной стадии исследования отсутствуют, они появятся лишь по результатам эксперимента. В данном случае предметом веры является предположение, которое требует подтверждения.

Сказанное особенно наглядно проявляется в сфере гуманитарного знания (хотя и не ограничивается им). В. Г. Романко правомерно подчеркивает: «Из анализа основного метода гуманистов эпохи Возрождения можно заключить, что он, с одной стороны, является модернизацией основного метода средневековых схоластов, а с другой стороны, метод гуманистов эпохи Возрождения – предтеча современного гуманитарного метода. Основной частью его является цитирование литературных источников, достоверных с точки зрения определенной группы людей (гуманитариев): философов, педагогов, историков, социологов и др.» [11, с. 38]. *Достоверных*, т. е. достойных веры.

Отсюда вытекают некоторые общие для всякой веры выводы. Во-первых, важную роль в личностном отношении к объекту, которое мы именуем верой, играют чувства человека. Поскольку предмет веры вызывает заинтересованное отношение человека, оно реализуется, прежде всего, в эмоциональной сфере, вызывая те или иные чувства и переживания. Диапазон этих переживаний может быть различен как по содержанию, так и по интенсивности.

Во-вторых, вера невозможна без личностной оценки предмета веры. Человек верит в то, что соответствует его идеалам, принимаемой им системе ценностей, что приносит ему удовлетворение. При этом сама вера играет определенную роль в формировании его идеалов и ценностных ориентиров. Возможно, вера присутствует и при отрицательной оценке явления, образа, человека. Однако оценка предмета веры накладывает отпечаток на восприятие сути содержания.

В-третьих, всякая вера реализуется в социальном поведении личности. П. В. Копнин утверждает, что вера выступает в качестве необходимого промежуточного звена между знаниями и практическими действиями людей [5, с. 31], поскольку любая мысль, истинная или ложная, если она является потребностью личности, оказывает влияние на поступки человека.

В содержательном плане Э. Фромм ввел различия между рациональной и иррациональной верой. Под иррациональной верой он понимал веру в личность, идею или символ, основанную на подчинении некоему авторитету. Напротив, рациональная вера – это твердое убеждение, основанное на продуктивной интеллектуальной и эмоциональной деятельности. Рациональная вера является главной составляющей в структуре рационального мышления. Она базируется на собственном опыте, уверенности, силе разума, наблюдении и рассуждении. Если иррациональная вера принимает нечто за истину только потому, что либо большинство, либо некий авторитет считают это истиной, то рациональная вера предполагает независимость убеждений, основанных на собственном продуктивном наблюдении и размышлении [18, с. 81]. Такое толкование веры, думается, более соответствует идее гуманизации образования.

В настоящее время отсутствие веры является выражением смятения и отчаяния. Скептицизм и рационализм, которые некогда являлись прогрессивными качествами, теперь скрывают неуверенность, заставляющую принимать любую навязываемую точку зрения, философию или находить компромисс с ней.

Как видим, вера присутствует во всех сферах человеческого бытия. Распространенное в недавнем прошлом мнение об отсутствии веры как признаке

прогрессивности личности не выдержало испытания временем. Наоборот, пришло осознание того, что отсутствие веры не является более таким прогрессивным явлением, каким оно казалось предыдущим поколениям, когда скептицизм и рационализм были прогрессивными факторами развития человека. Без веры невозможна жизнь человека. Вопрос только в том, какой будет вера будущих поколений. Поэтому сегодня основной задачей гуманизации образования является воспитание подрастающего поколения свободным, широко мыслящим, коммуникабельным, а главное, *верящим* в развитие, в будущее процветание своей страны.

Парадигмы гуманизации образования

И здесь мне слышится голос проницательного читателя: «Критиковать просто. А что может предложить сам автор?». Ответу на этот вопрос и посвящена финальная часть данной статьи.

При определении гуманизма, очевидно, следует исходить из сущности человека, поскольку в генезисе гуманизма лежит само существование последнего. Также очевидно, что сущность человека можно определить, выделив его основные черты. Но если при определении существенных черт человека исходить из разных предметных областей, то мы вряд ли вообще сумеем их определить. Однако гуманизм останется единым для всех предметных областей.

В окружающем нас мире выделяется три типа объектов: неживые, живые, но не наделенные разумом, и люди. Непременным условием существования всех этих объектов является их устойчивость (сохранение существенных свойств на достаточно большой период времени – «время жизни» объекта). Можно выделить основные причины устойчивости объектов. Очевидно, что устойчивость всех трех типов объектов обусловлена наличием и сочетанием благоприятных факторов внутренней и внешней среды.

Кроме того, живые и разумные объекты на основе формирования рефлексов обладают способностью избегать неблагоприятные и выбирать благоприятные условия внешней среды. Всякий живой организм избирательно относится ко всем внешним раздражителям, тем самым обнаруживая качественно новое свойство живой материи – саморегулирование. При этом следует особо подчеркнуть, что особенность живых систем по сравнению с неживыми заключается в приобретении ими нового качества – неравновесной устойчивости.

Человек, кроме того, обладает еще двумя свойствами. Во-первых, у него развита уникальная способность по созданию информационных моделей мира (способность познавать мир). Во-вторых, в отличие от животных, он способен активно формировать условия внешней и внутренней среды. Таким образом, устойчивость неживых объектов обеспечивается сочетанием двух факторов – устойчивостью внешней и внутренней среды. Устойчивость живых неразумных объектов определяется сочетанием трех факторов – устойчивостью внешней среды, устойчивостью внутренней среды и способностью адаптироваться к внешней среде. Наибольшей устойчивостью обладает человек, что обусловлено сочетанием пяти факторов – устойчивостью внешней и внутренней среды, способностью адаптироваться к внешней среде, способностью к информационному моделированию среды обитания и способностью изменять среду обитания.

С этих позиций вполне очевидной представляется и основная цель жизнедеятельности любого субъекта (будь то отдельный человек, или цивилизация в целом) – сохранение и расширение собственной устойчивости и благополучия. Это конечная и глобальная цель любой жизнедеятельности. Альтернатива ей влечет индивидуальную смерть или глобальную гибель цивилизации.

Поскольку педагогика подчинена реализации глобальной цели выживания, перечисленные выше факторы, обеспечивающие устойчивость человека, и должны определять предметное поле педагогики как науки. Отсюда следуют и основные направления педагогической работы:

- во-первых, обучение поддержанию и совершенствованию устойчивости организма на уровне совершенствования внутренней среды (физическое и нравственное воспитание);
- во-вторых, обучение поддержанию и совершенствованию благоприятных условий внешней среды (экологическое воспитание);
- в-третьих, формирование способности создавать информационные модели мира (познавать мир, внешнюю и внутреннюю среду обитания человека);
- в-четвертых, формирование способности избегать неблагоприятные и выбирать благоприятные условия внешней среды (на основе информационного моделирования грядущих ситуаций);

● в-пятых, развитие навыков в активном формировании благоприятных для жизнедеятельности условий внешней и внутренней среды (благоприятных экологических условий, хорошего здоровья, духовной среды, морально-психологических условий).

Нетрудно заметить, что основное отличие человека от животных заключено в осознании этих пяти факторов обеспечения его жизнедеятельности в виде информационных моделей и способности к активному формированию благоприятных условий внешней и внутренней среды. В этом смысле совершенно по-новому определяется понятие гуманизма и всего, что с ним связано.

Гуманизм как общественное и литературное течение возник в эпоху Возрождения и провозглашал свободу личности, веру в высокие душевные качества и творческие силы человека. Гуманизм эпохи Возрождения во многом как бы продолжал и возрождал науку, включая естественно-научное знание, искусство, литературу и философию античности. Поэтому не случайно, что к великим гуманистам относят не только представителей литературы, искусства и иных гуманитарных сфер (Данте, Петрарка, Рабле, Сервантес, Шекспир), но и представителей естественных наук (Галилей, Коперник, Леонардо да Винчи). Таким образом, в генезисе гуманизм отличается от гуманитаризма, который является лишь составной частью первого. Удивительно, но современные литературные источники сужают понятие гуманизма до его части – гуманитаризма. Другое, на наш взгляд, более удачное определение гуманизму дает энциклопедия «Britannica». В ее определении гуманизм – доктрина, ставящая во главу угла человеческие интересы и человеческую значимость.

Поскольку гуманизация в своем генезисе имеет гуманизм, а гуманитаризация – гуманитарные науки, становится понятным принципиальное отличие гуманизации от гуманитаризации. Если идеи гуманизации, в основе которых лежит гуманизм, изначально и потенциально безопасны для человека, то этого нельзя сказать о любой другой частной научной концепции, в том числе и гуманитарной. Действительно, вряд ли кто-либо станет отрицать, что такие катаклизмы XX века как войны, кризисные явления в экономике, в политике, коммунистическая и национал-социалистическая утопии были порождением той или иной гуманитарной доктрины и усугублены достижениями в области естествознания.

В настоящее время широко бытует представление, что для гуманизации образования требуется его гуманитаризировать. Первоначально считалось, что

российское образование чрезмерно технократично и для преодоления технократизма достаточно расширить преподавание гуманитарных дисциплин. По этому пути пошло большинство учебных программ российских вузов в конце 80-х – начале 90-х годов. Однако, как показал опыт, это оказалось тупиковым направлением гуманизации образования. Если при этом учесть, что введение названных курсов, как правило, не сопровождалось корректировкой содержания основных предметов, то становятся ясными причины учебных перегрузок и вытекающего из них понижения уровня подготовки.

Мы полагаем, что основным требованием гуманизации применительно к сфере образования должно стать формирование такого мировоззрения, которое заключало бы в себе единое интегрированное знание, в конечном счете, определяющее и культурный уровень человека, и наиболее полно отвечающее интересам его глобального выживания.

В силу особой ответственности в формировании человека педагогика как никакая другая наука должна быть гуманизирована, т. е. в наибольшей степени направлена на обеспечение устойчивости, как отдельного человека, так и человеческой цивилизации в целом. Главный вопрос любой педагогической методики, – как соотносится эта методика с проблемой сохранения и повышения устойчивости отдельного человека, человеческого общества и цивилизации. В современном мире проблемы воспитания приобретают решающее значение для существования нашей цивилизации по причине небывалого возрастания ответственности в деятельности человека.

В этой связи вызывает удивление даже не столько отсутствие в мировой педагогической науке четкого толкования понятий «гуманизация» и «гуманитаризация», сколько подмена одного понятия другим. Нам представляется, что, дав современное определение гуманизму, мы сможем определить и основные направления развития педагогической мысли.

Гуманизм – это доктрина, ставящая во главу угла человеческие интересы и человеческую значимость, в основе которой лежат характерные для человека и обеспечивающие его выживание свойства. В таком виде определение гуманизма выделяет фундамент, на котором строится здание гуманизма. Очевидно, что в основе гуманизации должны лежать такие направления образования, которые повышают видовую устойчивость человека. В сфере физического и нравственного воспитания это обучение поддержанию и совершенствованию устойчивости организма на уровне совершенствования внутренней среды,

в сфере экологического воспитания – обучение поддержанию и совершенствованию благоприятных условий внешней среды, в сфере овладения практическими навыками – умение активно формировать благоприятные для жизнедеятельности условия внешней и внутренней среды.

Следовательно, гуманизация, имеющая в своем генезисе гуманизм, является прежде всего «средством реализации гуманистической сути обучения и воспитания, интеллектуальной, социокультурной, коммуникативной сущности человека как субъекта познания и деятельности, активного элемента развития общества» [9, с. 71]. Т. е. гуманизация – это не что иное, как содержательная основа, методология гуманитаризации как процесса изменения структуры образования. И расхожий тезис о гуманитаризации образования следует воспринимать не как руководство к увеличению количества гуманитарных часов и предметов, а прежде всего как момент выявления во всех типах знания «гуманитарного зерна», т. е. присутствия представлений о человеке как генераторе и потребителе этих знаний.

Литература

1. Гегель Г. В. Ф. Сочинения: В 14-ти т. М.-Л., 1929–1959. Т. XI. Лекции по истории философии. Кн. 3.
2. Гомоюнов К. Два направления в гуманизации высшего инженерного образования. М., 1990.
3. Гончаров С. З. Российская гуманитарная подготовка в вузе: сущность, структура и критерии эффективности // Образование и наука: Изв-я Урал. науч.-образоват. центра Рос. акад. образования. Журн. теорет. и прикл. исслед. 2000, № 2 (4). С. 195–207.
4. Загвязинский В. И. Реальный гуманизм и тенденции развития образования // Образование и наука: Изв-я Урал. науч.-образоват. центра Рос. акад. образования. Журн. теорет. и прикл. исслед. 2000, № 1 (3). С. 10–15.
5. Копнин В. П. Введение в марксистскую гносеологию. М., 1978.
6. Корелин М. С. Очерки итальянского Возрождения. М., 1896.
7. Коханович Л. Н. и др. Гуманизация образования и создание комфортной среды в вузе // Сер. Система воспитания в высшей школе. Вып. 3. М., 1994.
8. Малиновская К. Гуманизация образования как проблема // Проблема улучшения гуманитарной и эстетической подготовки специалистов в техническом вузе. Новосибирск, 1989.

9. Морсеев Н. Н. Естественно-научное знание и гуманитарное мышление // *Общественные науки и современность*. 1993, № 2.
10. Романко В. Г. Педагогические условия гуманизации физического воспитания учащихся младших классов: Дис... канд. пед. наук. Челябинск, 2000.
11. Романко В. Г. Феноменологический анализ доктрины гуманизма // *Культура и образование*. Вып. 3. Уфа, 2000.
12. Салтыков-Щедрин М. Е. Избранные сочинения. М.-Л., 1947.
13. Слостенин В. А., Тамарин В. Э. Методологическая культура учителя // *Сов. педагогика*. 1990, № 7.
14. Сутырин Б. А. Понятие гуманизации и гуманитаризации в аспекте развития высшей школы // *Понятийный аппарат педагогики и образования*. Вып. 3. Екатеринбург., 1997.
15. Тимонина И. В. О необходимости теоретического обоснования процесса риторизации образовательной деятельности // *Образование и наука: Изв-я Урал. науч.-образоват. центра Рос. акад. образования. Журн. теорет. и прикл. исслед.* 2000, № 4 (6). С. 229–237.
16. Ткаченко Е. В. Реформа образования в Российской Федерации / Гуманизация и гуманитаризация педагогического образования: Рос.-амер. семинар по пробл. образования. 25–27 мая 1993 г. Пленарные докл. Екатеринбург, 1993.
17. Туровский М. О зависимости культуры от философии // *Здесь и теперь*. 1992, № 1.
18. Фромм Э. Душа человека. Минск, 1998.
19. Шаповалов В. Ф. Основы философии. От классики к современности. М., 1998.

* * *

От редакции. Приглашаем наших читателей принять участие в обсуждении статей рубрики «Дискуссии, размышления», опубликованных в предыдущих номерах журнала.

Пишите нам по адресу: 620012, Екатеринбург, ул. Машиностроителей, д. 11, редакция журнала «Образование и наука»; электронный адрес: mail@usvpu.ru (для Ситниковой). Тел. (3432) 31–31–15.